

В. В. Петров

**«Лучше пойду милиционером, чем ректором...»:
деятельность Организационной комиссии ЛГУ.
1925–1926 гг.**

Послеоктябрьский период истории высшей школы в целом и Петроградского (с 1924 г. — Ленинградского) университета в частности характеризуется крайне сложной внутренней ситуацией, обусловленной сосуществованием в рамках одних и тех же институций групп, кардинально разнящихся друг от друга общественно-политическим мировоззрением, отношением к власти, привычками. И если проблему непокорного студенчества советская власть могла позволить себе решить кардинально, в отношении профессуры такой подход был неприемлем. Коммунизация учебных заведений растянулось на длительный период и представляло собой сложный, драматический процесс.

Период работы Организационной комиссии ЛГУ по присоединению к нему Географического и Химико-фармацевтического институтов (Оргкомиссии, Оргкома) занял достаточно продолжительный срок — с 23 мая 1925 г. по 19 июня 1926 г. Будучи по сути совершенно типичной для своей эпохи временной, переходной структурой, вызванной к жизни со вполне определенными (и весьма ограниченными) целями, в результате стечения обстоятельств более чем на год Оргкомиссия заменила собой полноценное выборное Правление университета. К сожалению, историография совершенно не выделяет этот период, каких бы то ни было упоминаний об Оргкомиссии нами в литературе на данный момент не выявлено вовсе. Однако этот период примечателен не только тем, что более года университет фактически никем конкретно не возглавлялся, но и тем, что несогласованная, обусловленная зачастую нуждами текущего момента (и пониманием этих нужд конкретными лицами) политика советских и партийных органов в отношении вуза в итоге обусловила одно из последних организованных выступлений «старой» профессуры.

Петров

Владимир

Владимирович,

научный сотрудник,

Государственный музей

политической истории

России

(Санкт-Петербург,

Россия)

При изучении деятельности Оргкомиссии наибольшую практическую ценность представляют материалы первичной организации ВКП(б) ЛГУ. Помимо собственно документооборота, сопровождающего деятельность любого органа, в фонде находятся отчеты и записки членов бюро коллектива ВКП(б) ЛГУ. Несмотря на ярко выраженный оценочный характер некоторых суждений, эти сведения представляют для нас ценный источник научных знаний. Разумеется, относиться к сообщаемым сведениям следует предельно взвешенно ввиду того, что полностью отказаться от их использования мы не вправе, да и не в состоянии: как справедливо заметил В. М. Панеях по поводу возможности использования следственных документов по «Академическому делу» для исторических исследований, «допустимо ли, принимая во внимание столь специфический характер данного источника, вовсе отвергать возможность извлечения информации из сфабрикованных следственных дел? Безусловно, такие материалы отражают правовую систему государства, характер партийно-политической власти, культуру общества и его отдельных слоев, их менталитет, т. е. выступают как памятники той эпохи, отразившие ее характерные черты и нравы. ...Если же возникает другая задача — выделение из документов сфабрикованного следствия достоверных фактов, то перед исследователем встает задача разработать специальную для этой цели методику и применить ее на практике. Это чрезвычайно трудная и деликатная работа, требующая изошренной источниковедческой техники, учета различных факторов...»¹ Таким образом, конечно же, нельзя и в нашем случае забывать о подспудном желании коммунистов, составивших донесения в райком, выдать желаемое за действительное, сгустить краски и «всю профессию Петербургского университета, всю сплошь именовать реакционной»². И тем более не следует всецело полагаться на указанные нами материалы и видеть в них «достоверный источник... для воссоздания общественно-политических воззрений» профессуры³. Необходимость обращения к подобного рода материалам должна быть компенсирована иными источниками, в идеале — оппонирующими высказываемым оценкам. Однако иных материалов, дающих столь развернутую и яркую картину, нами на настоящий момент не выявлено. Документы, отражающие рутинную работу Оргкома, отложились в фонде ЛГУ Центрального государственного архива Санкт-Петербурга. Анализ протоколов заседаний Оргкомиссии показывает, что фактически их ход и характер рассматриваемых вопросов ничем не отличались от «обычных» заседаний Президиума Правления университета. Текст протоколов зачастую максимально формализован и сжат, что не позволяет рассматривать их как значимый противовес оценкам коммунистов университета.

История создания Оргкомиссии и причины этого достаточно типичны для своего времени: она создавалась как временный административный орган, призванный претворить в жизнь директиву Наркомпроса, предписывавшую присоединить Химико-фармацевтический и Географический институты к Ленинградскому университету на правах структурных

подразделений. Главной причиной тому, на наш взгляд, послужил отмеченный в историографии курс советского правительства на ликвидацию и укрупнение «чрезмерного» количества институтов. Журнал «Научный работник», орган Секции научных работников Союза работников просвещения, писал в 1927 г.: «широко обставленные различные исследовательские институты... нам не только не по карману, но, может быть, во многих случаях просто пока и не нужны... Исследовательские институты численно растут, а высшие учебные заведения академически хиреют»⁴.

Историк высшей школы А. П. Купайгородская также отметила эту тенденцию, подчеркивая при этом, что в годы НЭПа «материальная база высшей школы, подорванная испытаниями военных лет, была не в состоянии обеспечить развитие... и одним из способов выхода из кризиса стала широкомасштабная реорганизация вузов — их закрытие и слияние». Тем не менее, «многочисленные реорганизации вузов, проводившиеся под лозунгом сокращения расходов, сами становились источником значительных издержек, обременявших и без того скудный государственный бюджет»⁵. Этот же процесс отметил и А. А. Курепин: «Увлечение вузовским строительством первых революционных лет, столкнувшись с нехваткой средств, сменилось резким сокращением количества вузов и числа учащихся»⁶.

Однако куда более серьезным последствием таких преобразований становился наносимый системе высшей школы и самому образованию ущерб, который был вопиющ уже для свидетелей событий. Так, бюро коллектива ВКП(б) ЛГУ 26 марта 1926 г. констатировало, «что слиянием Хим.-Фарм. Ин-та с Ун-том органами Наркомпроса была проявлена грубая ошибка... слияние не было проработано органами Наркомпроса и план резко менялся (факультет, отделение, уклон и опять восстановлен)... это слияние, кроме разорения Хим.-Фарм. Ин-та, как учебной единицы и потери времени студентами, — ничего не дало»⁷. Тогда же бывший директор Ленинградского химико-фармацевтического института, назначенный временно исполняющим обязанности декана химико-фармацевтического факультета ЛГУ профессор А. С. Гинзберг в письме в Главпрофобр с горечью заметил, что «дело о Ленинградском Химфармфаке касается судьбы без малого трехсот студентов (с дипломантами), в настоящее время рассеянных между двумя высшими учебными заведениями»⁸.

«Для Ленинградского университета, как впрочем и для многих других вузов страны, учебный 1925/26 год был в полном смысле переломным», — вспоминал в 1968 г. бывший студент факультета общественных наук ЛГУ П. С. Яцынов⁹.

История же собственно Оргкомиссии начинается весной 1925 г., когда «6-го Апреля 1925 года Правление Университета получило “весьма срочное” распоряжение Главпрофобра... произвести перевыборы Правления Университета в Мае месяце 1925 г.»¹⁰. По ряду причин, в том числе и в результате усиленных интриг некоторой части профессуры университета и институтов, подлежавших присоединению к нему, а также несогласованной деятельности советских и партийных органов по выдвижению кандидатур, вокруг перевыборов

создалась атмосфера нездорового ажиотажа. Возникла реальная опасность утраты полного контроля над Правлением университета в случае избрания ректором представителя «мажорной» профессуры. Наркомпрос в лице заместителя уполномоченного Главпрофобра по вузам и рабфакам Ленинграда В. В. Покровского утратил инициативу и сделал ставку на методы административного воздействия (как мы уже отмечали ранее, Управление уполномоченного обладало весьма широкими полномочиями, во многих вопросах пользуясь фактической автономией)¹¹, допустив тем самым серьезную ошибку. В частности, назначенные перевыборы так и не состоялись (куриальные собрания были отменены распоряжением В. В. Покровского), а 23 мая Главпрофобр, в отмену ранее поступившего распоряжения, «немедленно» прекратил полномочия Правления и отменил перевыборы. Руководство университетом было возложено на Организационную комиссию «в составе: Председатель, Уполномоченного т. [С. К.] МИНИН, Зам. Председателя т. [В. Б.] ТОМАШЕВСКИЙ, Членами: академик [А. Е.] ФЕРСМАН, проф. [А. П.] АФАНАСЬЕВ (по уч. части), [Н. С.] ДЕРЖАВИН, [А. С.] ГИНЗБЕРГ (по хоз. Части), и т. [В. Н.] НИКИТИН»¹². Единственной целью создания комиссии называлось «проведение организационной работы по слиянию Ун-та с Географическим Институтом и Химико-Фармацевтическим»¹³; таким образом, Наркомпрос более или менее успешно затушевал вторую цель Оргкомиссии — проведение выборов Правления таким образом, чтобы оно оставалось максимально лояльным власти, но при этом не вызывало слишком значительного возмущения в таком «сложном» в общественно-политическом отношении учреждении, как Ленинградский университет. Перевыборы было предписано «произвести не позднее 15/Х сего года»¹⁴. Этим недвусмысленно давалось понять, что, помимо собственно процедурной стороны, на Оргкомиссию возлагалась и подготовительная работа — выдвижение «нужных» кандидатов и обеспечение «правильности» голосования куриальных комиссий.

Непродуманное волевое решение «центра» возымело неожиданный эффект. «Этот акт... был воспринят... большинством профессуры как отстранение старого Правления без сдачи дел, без объявления... Тов. Державин пошел работать в Ун-т в то время, когда ни один правый профессор не пошел бы работать с Советской властью и в течение 3-х лет он безусловно все свое время отдавал Ун-ту», — отмечал организатор коллектива ВКП(б) ЛГУ И. В. Тесленко. Весьма чувствительным и неприятным последствием для руководства высшей школой явилось полное отторжение «умеренной» части профессуры (наиболее желательных компромиссных кандидатов в члены Правления) от какой бы то ни было «политической» или административной деятельности: «Товарищи [В. В.] Покровский, [И. И.] Ходоровский и [В. Б.] Томашевский лично вели переговоры со многими профессорами и академиками, наотрез все отказавшиеся от предложения быть ректором. Академик Костычев в беседе с профессорами заявил: “лучше пойду милиционером, чем ректором”»¹⁵. Мотивация профессуры была в данном случае предельно ясна: «если Державина использовав выбросили, то какая же гарантия каждому от такого выбрасывания»¹⁶.

Выше уже указывалось на весьма значимое положение Управления уполномоченного. Фактически именно ему принадлежала возможность не только согласовывать списки потенциальных кандидатов (то есть в некоторой степени определять состав будущих правлений), но и назначать дату перевыборов. В конечном итоге сроки заседания куриальных комиссий были сдвинуты на полтора месяца — на 30 ноября и 1 декабря 1925 г.

К этому времени в расстановке сил «на фронтах» произошли некоторые изменения: уполномоченный Наркомпроса С. К. Минин, куда более известный как военный и партийный деятель, а также теоретик марксизма, нежели специалист в практических вопросах управления образованием и наукой¹⁷, был серьезно болен и фактически устранился от руководства. Управление уполномоченного осталось на попечении заместителя уполномоченного В. В. Покровского, который за недолгий период работы в Управлении сумел испортить отношения практически со всеми видными деятелями высшей школы Ленинграда¹⁸.

Главпрофобр «с подачи» Управления уполномоченного сделал крайне опрометчивый шаг, подобрав состав Оргкомиссии без учета занятости ее членов: «...Когда кой-кто разъехался, тов. Минин не стал являться, работа Оргкомиссии стала разваливаться»¹⁹. Заместитель председателя Оргкома, председатель Литературно-лингвистического отделения факультета общественных наук (позже факультета языкознания и материальной культуры) ЛГУ профессор В. Б. Томашевский, еще на посту заместителя наркома просвещения Азербайджана зарекомендовавший себя талантливым организатором науки и образования и недавно вернувшийся в Ленинград, вынужден был совмещать множество различных постов, в том числе и заведование Ленинградским отделением Главнауки²⁰. Академик А. Е. Ферсман, занятый научной и административной работой в Академии, не имел ни возможности, ни особенного желания (см. ниже) содействовать преобразованию университета под нужды новой власти, и от работы в Оргкоме устранился. Профессор А. С. Гинзберг нес основную тяжесть административной работы по техническому присоединению Ленинградского химико-фармацевтического института к ЛГУ, планы в отношении которого в Совнаркоме менялись на глазах: 1 декабря 1924 г. Главпрофобр «предложил» «немедленно приступить к ликвидации Химико-Фармацевтического Института и вливанию его в качестве химико-фармацевтического факультета в университет. Слияние Института с Университетом закончить к 1/1–25 г.»²¹; 1 июня 1925 г. было постановлено преобразовать факультет в отделение физико-математического факультета²²; 17 сентября его статус был понижен до «специализации» (то есть уклона)²³, а уже 14 октября, без каких-либо комментариев, «Совнаркомом по РСФСР... постановлено: ...ликвидированный Химико-Фарм. Факультет Ленинградского Гос. Университета восстановить с переводом указанного факультета в Ленинградский Медицинский Институт»²⁴. Уже 6 марта 1926 г. А. С. Гинзбергу было поручено принять временное руководство новообразованным факультетом и организовать его деканат²⁵. Как отмечалось выше, этими импульсивными, волюнтаристскими шагами фармацевтическому образованию

в Ленинграде был нанесен значительный ущерб: здание, занимаемое Ленинградским химико-фармацевтическим институтом²⁶, было передано Ленинградскому Электротехническому институту «для помещения в нем Военного Отделения и Рабфака», студенты были распределены между ЛГУ и ЛМИ, научно-преподавательские силы института оказались распылены²⁷. По сути дела, произошел разгром института.

Профессор Н. С. Державин, видный ученый-славист, несмотря на перегруженность научно-исследовательской, преподавательской и административной работой, в том числе и по организации на базе факультета общественных наук факультетов советского права и языкознания и материальной культуры, стал членом подкомиссии Оргкома по учебной части и исправно посещал заседания, принимая в них деятельное участие.

Разгромную характеристику деятельности А. П. Афанасьева на посту члена Оргкомиссии дал его коллега В. Н. Никитин: «В июне прошлого года Афанасьев на все заседания приходил аккуратно и принимал участие во всех работах [хозяйственной] подкомиссии... Начиная с июля месяца работа хозяйственной подкомиссии начала замедляться, а в самый разгар всех работ по размещению Геофака в Университетских зданиях... Афанасьев принимал участие в работе очень незначительное, и чем дальше, тем больше замечалось, что Афанасьев начал выдыхаться и принимать очень слабое участие в работах хозяйственной подкомиссии. В конце сентября мы встали перед вопросом единоличного управления, как по учебной части, так и хозяйственной ввиду развала этих подкомиссий... доцент Афанасьев не только не работает в хоз. п/к, но даже последние три-четыре месяца и на заседаниях Оргкомиссии появляется в виде метеора и не бывать на заседаниях стало для него правилом»²⁸.

Таким образом, из всей представительной Оргкомиссии основная тяжесть работы по текущему управлению университетом легла на наименее представительного ее члена — студента III курса Правового отделения факультета общественных наук ЛГУ Василия Никитича Никитина, 1885 года рождения, члена партии с 1917 г.²⁹ По свидетельству организатора коллектива ВКП(б) И. В. Тесленко, «остался один член Оргкомиссии тов. Никитин, которому и пришлось и до сих пор приходится нести всю обузу Ун-та»³⁰. Именно к осени 1925 г. относится вопиющий факт, когда «впервые в истории Университета студент расписывается за ректора, принимает профессоров и т. д. и т. п.»³¹. В феврале 1926 г. организатор коллектива ВКП(б) ЛГУ указывал, что «фактически Университетом управляют студенты-администраторы (Никитин и Начинкин, Чл. Орг. Ком. Ком. и прор. по хоз. ч. и секретарь Правл. Ун-та)... это вина Главпрофобра и в первую очередь тов. Ходоровского...»³² Однако все текущие проблемы постепенно отошли на второй план ввиду надвигавшейся перевыборной кампании.

Главной задачей момента для партийных и государственных органов оставалось «коммунизирование» Ленинградского университета — как уже неоднократно указывалось, самого беспокойного и своевольного вуза Ленинграда: «Там до 600 чел. научных работников,

среди которых много зубров-белогвардейцев», — заметил в марте 1926 г. преподаватель физмата ЛГУ А. Д. Дрозд³³. Наркомпрос был глубоко заинтересован в образовании в университете правления, лояльного власти. Вместе с тем было очевидно, что любая назначенная «сверху» администрация по ряду причин окажется нежизнеспособной. Именно поэтому вопросу перевыборов и подготовки к ним придавалось беспрецедентное значение.

Выше указывалось, что 30 ноября и 1 декабря 1925 г. должны были пройти собрания профессорской, преподавательской и студенческой курий. Предполагавшийся на выборы состав правления был практически идентичен составу Оргкомиссии, за исключением того, что на пост ректора претендовал В. Б. Томашевский. Заслуживший признание коллег-преподавателей, а также значительной части «аполитичной» профессуры, популярный в студенческой среде, член партии с 1920 г., «вхожий» в Совнарком, В. Б. Томашевский казался идеальным кандидатом на высокий пост³⁴. Кроме того, будучи универсантом и видным ученым, он не вызывал резкого отторжения, за исключением наиболее непримиримого меньшинства профессуры³⁵. Однако по не вполне ясным причинам Ленинградский губком ВКП(б) отказался поддержать его кандидатуру, и согласился с ней лишь после повторных ходатайств Василеостровского райкома и бюро коллектива университета. «Но после того, как были развешаны объявления о собраниях, разосланы повестки всем профессорам и преподавателям», В. В. Покровский телефонограммой от 30 ноября отменил выборы, «вторично сорвав их (первый раз весной)»³⁶. Этот откровенно странный поступок заместителя уполномоченного произвел на университет самое удручающее впечатление: «Профессура открыто заявляла, что коммунисты не договорились о кандидатах и выборы отменили»³⁷. Новой даты названо не было.

Отмена перевыборов и перенос их на неопределенный срок вызывали сомнения в искренности намерений советских органов, формально декларировавших неприкосновенность академических традиций³⁸. Разлад в стане коммунистов, выступление «ленинградской оппозиции» на XIV Съезде ВКП(б), расколовшее парторганизации Ленинграда, речь Н. И. Бухарина на XXIII Ленинградской губпартконференции, в которой он открыто признал «рост затруднений, связанных с известными неудачами в области нашей хлебозаготовительной кампании, с сокращением нашего импортного плана, с необходимостью урезывания наших производственных программ, ... сметных бюджетных ассигнований»³⁹ — все это было расценено «правой» профессурой как проявление слабости: «у большевиков ничего не выходит, большевики обанкротились, сдают одну позицию за другой и нам скорее надо закладывать и укреплять свои позиции в вузах»⁴⁰. Новое положение, обусловленное как общегосударственными, так и внутриуниверситетскими факторами, пробудило в ее среде стремление, воспользовавшись слабостью и уступчивостью власти, взять контроль над высшей школой. Вместе с тем, прекрасно сознавая бессмысленность и опасность открытого противостояния, она вовсе не стремилась начинать конфронтацию с советской властью:

«Наше время не пришло — вот основное мнение старой профессуры»⁴¹. «Укреплять позиции» предстояло единственным доступным способом — путем продвижения «нужных» людей в Правление университета. Добиться заметного результата возможно было лишь при согласованном голосовании всех трех курий за заранее определенных кандидатов, что, в свою очередь, требовало значительной подготовительной работы по выдвижению приемлемого, не вызывающего «махрового», но и вполне независимого от советской власти состава.

Начало этой работе было положено, как ни странно, самим начальником Главпрофобра И. И. Ходоровским, который в январе 1926 г. вел длительные личные переговоры со многими профессорами университета, однако добиться положительного результата не сумел. После его отъезда В. Б. Томашевский поручил профессору В. А. Догелю «собрать совещание профессуры и наметить ректора». Итогом совещания стало выдвижение на пост ректора кандидатуры профессора К. М. Дерюгина, в которой, по словам организатора коллектива ВКП(б) ЛГУ, «сосредоточено все организованное, непримиримое, стоящее за автономию высшей школы и все что осталось от старого Ун-та»⁴². (Поскольку в наши задачи в данный момент не входит оценка личности и деятельности К. М. Дерюгина, более правильным кажется указать на фундаментальную биографическую статью, автор которой характеризует К. М. Дерюгина как подвижника науки, крупного ученого и достойного кандидата на высокий пост⁴³.) К тому же, впервые студенчество было признано силой, с которой необходимо было считаться: «Недаром Ферсман заявил тов. Ходоровскому, что нужно воздействовать на студенчество, чтобы они приняли кандидатуру Дерюгина»⁴⁴.

Ответом на активные движения в «правом лагере» стали аналогичные приготовления «левой» профессуры: «с согласия тов. Томашевского было созвано на 2-ое Февраля собрание левой профессуры для того, чтобы узнать их настроение». После серии заседаний собрание 10 февраля остановилось на кандидатуре профессора факультета общественных наук А. Е. Преснякова. Бюро коллектива сочло его кандидатуру приемлемой, но отметило, что «поддерживать ее очень сильно нельзя»⁴⁵. Кроме того, сам Пресняков заявил категорический отказ занять какую-либо должность в будущем правлении⁴⁶. Бюро коллектива видело на посту ректора Н. С. Державина⁴⁷, чему противилась как «правая» профессура, так и сам Н. С. Державин, согласившийся не снимать кандидатуру с баллотировки лишь по просьбе профессора В. А. Зеленко⁴⁸. «Реальной кандидатуры [от “левого” крыла профессуры университета] на должность ректора не имеется», — констатировал организатор коллектива ВКП(б) университета. Попытки же взаимодействия с «правыми» оканчивались ничем: для них уже не было смысла идти на компромисс внутри университета. Продолжившиеся попытки И. И. Ходоровского вести переговоры с отдельными лицами были встречены откровенно холодно: «есть, говорят, положение о вузах, существуют правила о выборах Правления, а что происходит на самом деле: сначала приторгуют, а потом устраивают комедию выборов»⁴⁹.

Солидарность позиций и четкость идей «правой» профессуры выглядели весьма выгодно на фоне несогласованности в советском «стане», беспрестанных личных склок и идеологических споров, а лихорадочные попытки коммунистов привлечь на свою сторону колеблющуюся часть профессуры и преподавателей возымели обратное действие. Происходит снятие лозунга «наше время не пришло», его сменяет лозунг «наступая на большевиков, захватывая позиции»⁵⁰. В этой связи не выглядят неожиданными итоги заседаний куриальных собраний профессуры и преподавателей и научных сотрудников ЛГУ, состоявшихся 27 февраля 1926 г. Как выяснил организатор коллектива ВКП(б), за несколько часов до собраний «правые» провели нелегальное собрание «своих», на которых были распространены списки кандидатов в правление; «все чувствовали [себя] “имянинниками”⁵¹. «...Хотя и девятый год революции, но все же дождалось наступления на большевиков и весь вопрос заключается только в том, вовремя или не вовремя мы выступили... Хотя большевики такие люди, что отступают-отступают, да как начнут и наступать, то и нам всем не поздоровится, но и все же мы наступаем», — с удовлетворением отметил «махровый» профессор А. Е. Фаворский. Примечательно, что эти итоги оказались совершенно идентичными: на пост ректора был выдвинут К. М. Дерюгин, членами правления — профессора М. В. Серебряков и А. А. Иванов, доцент А. П. Афанасьев и тов. В. Н. Никитин. Не вызывает удивления тот факт, что левая часть профессорско-преподавательского состава отнеслась к кандидатуре К. М. Дерюгина резко отрицательно. Характерен тот факт, что Главпрофобр и Управление уполномоченного находились в некотором замешательстве и, в сущности, против него не возражали⁵². Куда более активно-непримиримо настроенное бюро коллектива тут же развернуло бурную деятельность. На К. М. Дерюгина немедленно посыпались обвинения в фаворитизме, «протаскивании» классово враждебных элементов в аспирантуру и предвзятом отношении к партийным товарищам («в Петергофском Институте, директором которого является Дерюгин, сгруппировалась вся оппозиционная Советской власти молодежь»; «чем более противосоветски настроен студент, тем большей поддержкой он пользуется от Дерюгина»), неравномерном распределении средств («в распределении сумм, получаемых на институт, придерживается пристрастного деления лабораторий на близкие к тем дисциплинам, которыми он сам занимается и далекие от них»⁵³) и даже барских замашках («в отношении рабочих и служащих у Дерюгина старый дореволюционный подход. Рабочие и служащие Института ненавидят Дерюгина»)⁵⁴. Безжалостный вердикт: «никакая совместная работа профессора Дерюгина со студенческими организациями, с передовой частью профессуры — невозможна»⁵⁵, predetermined решение Совета: минимальным большинством голосов (10 против, 9 за, 2 воздержались) его кандидатура получила отрицательный отзыв⁵⁶.

Характерно, что во время выборов именно преподаватели, не профессора, оказались более «реакционными», отдав за «правого» кандидата 78 % голосов против 61 % у профессуры⁵⁷, на что А. Е. Фаворский впоследствии раздраженно заявил: «вы преподавате-

ли более резко показали свое политическое лицо, чем мы профессора. Вас дураков нужно всех разогнать»⁵⁸. Раздражению была причина: «марксистски подготовленный хорошо»⁵⁹ И. В. Тесленко немедленно отметил: «мы имеем дело с политическим выступлением преподавателей и профессуры»⁶⁰. Двухтысячная студенческая сходка, сагитированная и возглавленная членами бюро коллектива ВКП(б), ожидаемо выдвинула на пост ректора профессора Н. С. Державина. Согласно «Положению о Высших Учебных Заведениях», кандидатурам предстояло получить отзыв в Совете университета, и лишь затем решения куриальных собраний должны были быть утверждены Наркомпросом⁶¹. В данном случае утверждения, как и опасалась профессура, не последовало: надежды на Москву не оправдались⁶². Последовал очередной виток перевыборов.

К сожалению, материалами, использованными для реконструкции описанных событий, наша находка исчерпывается. Однако очевидно, что процессы, происходившие в Ленинградском университете весной 1926 г., были не менее сложными, нежели описанные нами.

Впрочем, достоверно известно, что последнее заседание куриальных собраний было назначено на 28 мая. Все материалы выборов (протоколы куриальных собраний, характеристики кандидатов, заявления и т. д.) были направлены в Главпрофобр. 19 июня 1926 г. Коллегия Наркомпроса утвердила Правление ЛГУ в составе: «Ректор Ун-та, проф. В. Б. ТОМАШЕВСКИЙ, Проректор по Учебной Части, проф. А. А. ИВАНОВ, Проректор по Хозчасти тов. В. Н. НИКИТИН» и 4 члена Правления (по два представителя от двух «крыльев» профессуры)⁶³. Завершился длившийся более года период «университетской смуты». Организационная комиссия ЛГУ окончательно сложила полномочия.

¹ Панеях В. М. О книге В. С. Брачева «Русский историк Сергей Федорович Платонов» (часть I–II). СПб.: Милнерва, 1995. 354 с. // Панеях В. М. Историографические этюды. СПб., 2005. С. 224.

² Архив музея истории СПбГУ. Ф. ИУ. Д. 405 (Воспоминания Егорова И. В. об университете (1918–1931 гг.)). Л. 6. — И. В. Егоров цитирует слова «старейшего большевика», «неизменного председателя почти всех студенческих сходок» «вечного студента» Н. В. Аполлонова.

³ Панеях В. М. Указ. соч. С. 225.

⁴ Солосин И. И. К вопросу об исследовательской работе в высших учебных заведениях // Научный работник. 1927. № 2. С. 37–41.

⁵ Купайгородская А. П. Советская высшая школа в 1917–1927 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1990. С. 168, 257.

⁶ Курепин А. А. Власть и наука. 1917–1937 гг.: на материалах Петрограда-Ленинграда: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2004. С. 63.

⁷ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАИПД СПб). Ф. 984. Оп. 1. Д. 175. Л. 35. — Здесь и далее автором по возможности максимально точно воспроизводится текст источника.

⁸ Там же. Л. 52. — Говоря о «двух высших учебных заведениях», профессор А. С. Гинзберг имеет в виду Ленинградский университет и Ленинградский медицинский институт, между которыми были распределены студенты бывшего Ленинградского химико-фармацевтического института (см.: ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 175. Л. 48–50 об.).

⁹ Яцынов П. С. Юность комсомольская // На штурм науки. Воспоминания бывших студентов факультета общественных наук Ленинградского университета / Под общ. ред. В. В. Мавродина. Л., 1971. С. 177.

¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 219. Л. 1.

¹¹ Петров В. В. Управление уполномоченного Наркомпроса по вузам и рабфакам Ленинграда (1920–1930 гг.) и его деятельность по коммунизированию Ленинградского государственного университета в середине 1920-х гг. // Третья Всероссийская студенческая историко-регионоведческая конференция. Доклады и сообщения / Под общ. ред. проф. Ю. В. Кривошеева. СПб., 2013. С. 269–272.

¹² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 7240. Оп. 14. Д. 160. Л. 117 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 118.

¹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 219. Л. 2–2 об.

¹⁶ Там же. Л. 3.

¹⁷ Коган Л. А. На подступах к советской философии (первые «свердловцы», «соц. академики», «икаписты») // Вопросы философии. 2002. № 5. С. 112–140.

¹⁸ Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что на совещании профессуры, собранном по поручению начальника Главпрофобра И. И. Ходоровского в январе 1926 г., открыто прозвучало требование «снять тов. Покровского, с которым ни один ректор работать не сможет» (ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 219. Л. 3).

¹⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 219. Л. 2.

²⁰ Петров В. В. «Большой была его работа и яркой — жизнь его...». В. Б. Томашевский: первый коммунист во главе Ленинградского университета. 1926–1927 гг. // Клио. Журнал для ученых. 2013. № 10 (82). С. 109–111.

²¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 175. Л. 41, 61.

²² Там же. Л. 44, 59.

²³ Там же. Л. 48.

²⁴ Там же. Л. 49, 56.

²⁵ Там же. Л. 37, 51.

²⁶ Дом 4 по Песочной улице (ныне — улица профессора Попова).

²⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 175. Л. 45, 47, 48.

²⁸ Там же. Д. 219. Л. 31.

²⁹ Там же. Д. 203. Л. 45.

³⁰ Там же. Д. 219. Л. 2.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 3 об.

³³ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 11. Д. 18. Л. 36 об.

³⁴ Брачев В. С. Первый ректор-коммунист // Ленинградский университет. 1987. 20 марта.

³⁵ Петров В. В. «Большой была его работа и яркой — жизнь его...». С. 109–111.

³⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 219. Л. 2 об.

³⁷ Там же.

³⁸ Петров В. В. Управление уполномоченного Наркомпроса по вузам и рабфакам Ленинграда. С. 270–271.

³⁹ Бухарин Н. И. Доклад на XXIII Чрезвычайной Ленинградской губернской конференции ВКП(б). 10–11 февраля 1926 г. // Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. С. 233. — «Характерно, что в среде профессуры совершенно открыто ходили разговоры о том, что “высшие люди” большевиков вполне признают, что у них ничего не выходит: экспорт хлеба провалился, накладные расходы очень большие, крестьянство разуто и раздето... [Большевики] признали, что... ничего не выходит и что нужно скорей передавать фабрики и заводы в частные руки, чтобы скорее отступить» (ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 219. Л. 4–4 об.).

⁴⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 219. Л. 4–4 об.

⁴¹ Там же. Л. 3.

⁴² Там же.

⁴³ Фокин С. И. Неизвестный Константин Михайлович Дерюгин // Историко-биологические исследования. 2010. № 2. С. 43–66.

⁴⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 219. Л. 3.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 11. Д. 18. Л. 61.

⁴⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 175. Л. 25.

⁴⁸ Там же. Д. 218. Л. 4 об., 5, 12 об.

⁴⁹ Там же. Д. 219. Л. 3–3 об.

⁵⁰ Там же. Л. 4 об.

⁵¹ Там же. Л. 4 об.–5.

⁵² ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 11. Д. 18. Л. 35, 62–65; Там же. Оп. 2. Д. 257. Л. 39.

⁵³ К слову, аналогичное обвинение выдвигалось против доцента физико-математического факультета ЛГУ К. Р. Мацюевича во время упоминавшихся перевыборов деканата факультета в октябре 1926 г.: группа старой профессуры сочла «совершенно недопустимым его появление в Деканате... в особенности потому, что в бытность его проректором по Х[озяйственной]Ч[асти], он показал себя, по их убеждению односторонним защитником одного Отделения, к которому принадлежит сам [т. е. химического], а интересы Факультета в целом всегда стояли у него на заднем плане». (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 178. Л. 129.) Тем не менее, ввиду того, что К. Р. Мацюевич был одним из ярчайших представителей «левой» профессуры, отношение к нему было противоположным.

⁵⁴ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 11. Д. 18. Л. 29–35.

⁵⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 218. Л. 9.

⁵⁶ Там же. Л. 3.

⁵⁷ Там же. Л. 12, 15 об.

⁵⁸ Там же. Л. 5 об.

⁵⁹ Там же. Д. 119. Л. 79 об.

⁶⁰ Там же. Д. 219. Л. 5.

⁶¹ Собрание узаконений рабочего и крестьянского правительства. 1922. № 43. Ст. 518. Пп. 32–33.

⁶² В марте 1926 г. организатор коллектива ВКП(б) ЛГУ сообщал, что «выступление правой профессуры всецело связано с линией Главпрофобра и по крайней мере выступили они так рьяно и открыто только потому, что всецело надеялись найти поддержку в Москве» (ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 219. Л. 4). К этому же выводу пришло и совещание при уполномоченном НКП по вопросу о перевыборах правления ЛГУ (ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 11. Д. 18. Л. 64–65). Не особенно скрывали это, по свидетельству очевидцев, и сами представители профессуры: «Сидевший через человека [на заседании Совета ЛГУ 1 марта 1926 г.] около Ферсмана тов. Корель... слышал, как Ферсман говорил Филипченко: «это безобразие, до чего распустили студентов, нужно

ехать к Алексею Ивановичу (Рыкову)». «Ни для кого не секрет, что такие люди, как академик Ферсман и Иоффе и другие, вхожие в Совнарком и как будто часто там бывают», — заключил И. В. Тесленко (ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 219. Л. 4, 5).

⁶³ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 178. Л. 1.

УДК 94(47).084.5

Петров В. В. «Лучше пойду милиционером, чем ректором...»: деятельность Организационной комиссии ЛГУ. 1925–1926 гг. // Новейшая история России. 2015. № 3 (14). С. 80–93.

АННОТАЦИЯ: В статье на материалах комплекса источников исследуется ускользнувший от внимания исследователей период функционирования Организационной комиссии ЛГУ, созданной с целью проведения структурных преобразований в университете. Анализу подвергнуты все стороны неожиданно проявившегося в результате деятельности Оргкомиссии конфликта в высшей школе, его истоки и ход развития. Значительное внимание уделено докладным запискам организатора коллектива ВКП(б) ЛГУ как особому виду источника; автором оценена сама возможность использования этого специфического материала для исследования. Автором реконструирована картина событий в ЛГУ в период с мая 1925 г. по февраль 1926 г., когда в результате активных, однако в значительной мере противоречивых и оттого малоэффективных действий государственных и партийных органов, ситуация в университете накалилась до предела. Несмотря на официальные заявления, Оргкомиссия — по сути, технический орган — приобрела функции органа управления университетом и организатора выборов нового состава Правления ЛГУ. Неудачный подбор состава Оргкомиссии привел к тому, что в итоге во главе университета оказались «студенты-администраторы». Действия власти вызвали к жизни надежды части профессорско-преподавательского состава на восстановление автономии высшей школы путем избрания на пост ректора представителя «старой» профессуры, что спровоцировало перерастание подспудно тлеющего недовольства «новыми порядками» в последнее крупное открытое противостояние между «правым» и «левым» крыльями в университете.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история высшей школы, советизация высшей школы, конфликт в высшей школе, красное студенчество, Ленинградский университет, Организационная комиссия ЛГУ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: научный сотрудник, Государственный музей политической истории России (Санкт-Петербург, Россия); wladimir.w.petrov@gmail.com

Petrov V. V. "I Would Rather Serve as a Policeman than as a Rector...": Proceedings of the Organizational Commission of Leningrad State University. 1925–1926

ABSTRACT: The present article based on a complex of sources describes the unnoticed by historians action period of the Organizational Commission (Orgcommission) of Leningrad State University (LGU), which was established for conduction restructuring of University. All the sides of suddenly erupted conflict, as well as its origins and progression, were thoroughly studied by the author. Special attention is paid to reports written by organizer of the collective of the All-Union Communist Party of Bolsheviks in LGU as a peculiar type of historical source; the author estimated the very possibility to use these specific documents for research works. The author reconstructed events that took place in LGU in May 1925 – February 1926, when a series of active, but contradictory and thus ineffective actions of state and party organs resulted in situation reaching rock bottom. Despite official claims, Orgcommission – as a matter of fact, technical body – obtained administrative power over the University and started preparations for re-election of its

Board. A mismatching composition of the Orgcommission caused unprecedented fact of the University being headed by “students-administrators”. Efforts taken by power woke up hopes of a certain part of professorship towards restitution of higher school autonomy by electing a representative of ‘old’ professors as a rector. This all resulted in escalation of simmering discontent with ‘new orders’ into the last open confrontation between ‘right’ and ‘left’ wings of the University.

KEYWORDS: history of higher school, sovietization of higher school, conflict in higher school, red studentship, Leningrad University, Organizational Commission of LGU.

AUTHOR: Research Scientist, State Museum of Political History of Russia (St. Petersburg, Russia); wladimir.w.petrov@gmail.com

REFERENCES:

- ¹ Panejakh V. M. *Istoriograficheskie etjudy* (St. Petersburg, 2005).
- ² Solosin I. I. ‘K voprosu ob issledovatel’skoj rabote v vysshih uczebnyh zavedenijah’, *Nauchnyy rabotnik*, no. 2, 1927.
- ³ Kupaygorodskaya A. P. *Sovetskaja vysshaja shkola v 1917–1927 gg.*: [Doctor of History Dissertation] (Leningrad, 1990).
- ⁴ Kurepin A. A. *Vlast’ i nauka. 1917–1937 gg.: na materialah Petrograda-Leningrada* [Doctor of History Dissertation] (St. Petersburg, 2004).
- ⁵ Jacynov P. S. ‘Junost’ komsomol’skaja’ in *Na shturm nauki. Vospominanija byvshih studentov fakul’teta obshhestvennyh nauk Leningradskogo universiteta*, Ed. V. V. Mavrodin (Leningrad, 1971).
- ⁶ Petrov V. V. ‘Upravlenie upolnomochennogo Narkomprosa po vuzam i rabfakam Leningrada (1920–1930 gg.) i ego dejatel’nost’ po kommunizirovaniju Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta v seredine 1920-h gg.’ in *Tret’ja Vserossijskaja studencheskaja istoriko-regionovedcheskaja konferencija. Doklady i soobshhenija*, Ed. Yu. V. Krivosheev (St. Petersburg, 2013).
- ⁷ Kogan L. A. ‘Na podstupah k sovetskoj filosofii (pervye «sverdlovcy», «soc. akademiki», «ikapisty»)’ in *Voprosy filosofii*, no. 5, 2002.
- ⁸ Petrov V. V. ‘«Bol’shoj byla ego rabota i jarkoj — zhizn’ ego...». V. B. Tomashevskij: pervyj kommunist vo glave Leningradskogo universiteta. 1926–1927 gg.’, *Klio*, no. 10 (82), 2013.
- ⁹ Brachev V. S. ‘Pervyj rektor-kommunist’, *Leningradskij universitet*, 1987, 20 March.
- ¹⁰ Fokin S. I. ‘Neizvestnyj Konstantin Mihajlovich Derjugin’, *Istoriko-biologicheskie issledovanija*, no. 2, 2010.